

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина» на кафедре общего и русского языкознания

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Китанина Элла Анатольевна

Официальные оппоненты:

Добросклонская Татьяна Георгиевна, доктор филологических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», кафедра лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, профессор

Мишанкина Наталья Александровна, доктор филологических наук, профессор, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», кафедра русского языка, профессор

Ведущая организация: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет» (г. Москва)

Защита состоится 25 февраля 2026 г. в 15.00 часов на заседании диссертационного совета 24.2.292.01, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина», по адресу: 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, 6.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на официальном сайте федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»: <https://www.pushkin.institute>.

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»: https://www.pushkin.institute/sciences/dissovety/detail-element_id-79386/

Автореферат разослан «____» 20____ г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор филологических наук

Э.А. Китанина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В современной лингвистике исследование человеческой коммуникации предполагает комплексный анализ взаимосвязей между языковыми структурами, культурными кодами, психологическими и социологическими факторами. В этом контексте особую значимость приобретает междисциплинарный подход к изучению интертекстуальности. Интертекстуальность демонстрирует лингвокультурную специфику русского и китайского языков, что проявляется при сравнительном анализе современных интертекстуальных практик. В русских и китайских медиатекстах интертекстуальные элементы выполняют когнитивную функцию, представляя ключевые параметры соответствующих культурных парадигм.

Актуальность исследования обусловлена следующим. Во-первых, в условиях усиливающихся межкультурных обменов и углубления двусторонних отношений между Россией и Китаем особую значимость приобретает не только понимание механизмов передачи информации, но и выявление культурных значений и контекстов, транслируемых через медиатексты. Медиаплатформы как ключевой инструмент массовой коммуникации играют центральную роль в формировании общественного мнения, культурных норм и социальных установок. Во-вторых, интертекстуальность, являясь мощным инструментом создания смысловой глубины текста, активно «эксплуатируется» в русских и китайских медиатекстах. Однако сопоставительный анализ интертекстуальности в медиатексте остаётся недостаточно разработанным, а в лингвокультурном аспекте отсутствует, при этом существующие исследования преимущественно охватывают такие сопоставительные пары, как русско-английская и/или китайско-английская.

Степень научной разработанности темы. В 1967 году Ю. Кристева опубликовала во французском журнале статью «Бахтин: слово, диалог, роман», в которой впервые ввела понятие интертекстуальности в контексте теории М.М. Бахтина. В последующие годы появились разнообразные теоретические подходы к изучению интертекстуальности – у М. Риффатера (1980), Наоко Нисикавы (2002), Н. Пьеге-Гро (2008), В.Е. Чернявской (2009), И.В. Арнольд (1999), Н.А. Фатеевой (2006), В.П. Московина (2015), Н.А. Кузьминой (2007, 2011), Инь Ципина / 殷启平 (1994), Цинь Хайина / 秦海鹰 (2004), Ли Юпина / 李玉平 (2014) и др.

Исследования в области интертекстуальности и её применения в культурном контексте активно развиваются как в России, так и в Китае. В данной сфере работали исследователи, среди которых Ю.П. Солодуб (2000), А.К. Жолковский (2005), В.Е. Чернявская (2007), Н.А. Кузьмина (2011), В.П. Московин (2011), Ло Тин / 罗婷 (2001), Ван Цинь / 王瑾 (2005), Синь Бинь / 辛斌 (2000, 2005, 2015), Ян Яньсун / 杨衍松 (1994), Чжао Цзин / 赵静 (1999), Ли Мин / 李明 (2003), Чжу Чаовэй / 祝朝伟 (2004) и др.

Отметим, однако, что, несмотря на довольно длительную историю изучения специфики интертекстуальности, сопоставительное изучение интертекстуальности между русской и китайской культурами долгое время находилось на периферии

научного описания. В российской науке разрабатывались сопоставления с немецким (А.А. Гордиевский, 2006), английским (К.Ю. Рыбачук, 2020; Е.Г. Нешкова, 2020) языками, а также работы, опирающиеся на китайский языковой материал (Н.Н. Воропаев, 2012). В контексте китайской науки сопоставительные исследования на материале русского и китайского языков остаются единичными, например, исследования переводческой критики с позиций интертекстуальности (Ли До / 李多, 2017; Кан Нин / 康宁, 2022) и анализ интертекстуальности в политическом дискурсе российских лидеров (Ван Циньи / 王钦懿, 2020). В то же время исследования на материале английского и китайского языков представлены заметно шире (например, Сяо Лян / 肖亮, 2022; Лю Чэнь / 刘辰, 2018).

Целью данного исследования является сопоставительный анализ характеристик и способов реализации интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах в лингвокультурном контексте.

Цель исследования обусловила необходимость решения следующих задач:

- определить основные подходы к изучению интертекстуальности в контексте русских и китайских медиатекстов, а также предложить расширенную трактовку ключевых понятий, таких, как «интертекстуальность», «прецедентность» и «медиатекст» применительно к исследуемой проблематике;
- провести сопоставительный анализ наиболее частотных видов интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах, выявить и систематизировать особенности каждого из них;
- установить разницу между интертекстуальностью и прецедентностью, определив их взаимосвязь и уникальные характеристики в рамках медиатекста;
- выявить сходства и различия реализации и функции интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах, разделив на четыре фигуры: цитирование, аппликация, аллюзия и парофраз;
- сопоставить выбор и использование культурно значимых исходных текстов в русских и китайских медиатекстах, выявив их связь с национальным культурным ядром и проанализировать, как интертекстуальность соотносится с национальной языковой картиной мира;
- установить и кратко проанализировать связь между интертекстуальностью и переводом.

Объектом исследования выступает интертекстуальность в русских и китайских медиатекстах.

Предмет исследования составляет лингвокультурная специфика интертекстуальных включений в русских и китайских медиатекстах.

Материалом исследования послужили тексты российских и китайских периодических изданий («Известия», «РБК», «Xinhua Net», «Guangming Daily»), а также новостные сообщения, опубликованные на сайтах или в популярных электронных изданиях («РИА Новости», «Коммерсантъ», «Sina News», «People's Daily Online») за период 2021-2024 гг. общим объёмом более 1800 фрагментов с интертекстуальными элементами. Материал исследования отобран по следующим критериям: наличие интертекстуальности в медиатексте; соответствие рассматриваемому периоду 2021–2024 гг.; культурная значимость.

Методология и методы исследования. В исследовании применялись общенаучные и научные методы: гипотетико-дедуктивный метод для анализа теоретического материала по тематике исследования; описательный метод, включающий анализ, сопоставление и классификацию языковых фактов, представленных в китайско- и русскоязычной культурах; сопоставительный метод для анализа интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах; метод семантического и контекстного анализа языковых единиц; метод сплошной выборки при отборе материала исследования; метод лингвокультурологических истолкований и описательно-логические приёмы сопоставления интертекстуальных единиц; метод квантитативной обработки данных, метод контент-анализа и метод интент-анализа, в совокупности позволившие рассмотреть и проанализировать большой объём материала, охарактеризовать с точки зрения семантики, статистики, прагматических и функциональных характеристик, сделать достоверные обобщения и получить новые выводы.

Научная новизна исследования заключается в комплексном сравнительно-сопоставительном анализе интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах с акцентом на выявление культурно-специфических особенностей. Особое внимание уделяется интертекстуальным источникам, в которых в той или иной форме отражаются национальная идентичность, система ценностей и коллективная память.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что интертекстуальность рассматривается как глобальный лингвистический и культурный феномен с акцентом на функции интертекстуальности в медиатексте. Настоящее исследование преодолевает некоторую ограниченность подхода к изучению интертекстуальности в медиа, связанную только с изучением этимологии интертекстуальности, и сосредоточено на практическом применении данного явления в медиатексте. Особое внимание уделяется тому, как интертекстуальные элементы, восходящие к культурно значимым источникам, отражают особенности национальной языковой картины мира в русском и китайском медиадискурсе. В исследовании задействованы концептуальные подходы российских, китайских и западных учёных, что позволяет развить комплексную модель анализа интертекстуальности в условиях современных медиапрактик.

Практическая ценность исследования заключается в том, что результаты работы могут быть использованы для улучшения межкультурной коммуникации, а также в области социолингвистических и прикладных лингвистических исследований. Материалы исследования могут быть полезны для практических занятий, посвящённых анализу интертекстуальности, текста и дискурса, лингвистическому анализу медиатекстов, теории перевода и в других областях. Полученные выводы также могут быть использованы для разработки курсов и учебных материалов по анализу медиадискурса и межкультурной коммуникации.

Гипотеза данного исследования заключается в том, что интертекстуальность в медиатексте тесно связана с языковой и культурной спецификой социума. Способы реализации интертекстуальности и выбор исходных текстов отражают

национальную идентичность, систему ценностей и коллективную память. Различия в историческом опыте, идеологических установках и языковой картине мира формируют культурно-специфические особенности, которые, в свою очередь, определяют различия в использовании интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах. Интертекстуальность выступает важным инструментом репрезентации национальной идентичности, усиливает риторическую выразительность медиатекста за счёт обращения к концептуальным метафорам, фразеологизмам и другим элементам культурного кода.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Интертекстуальность рассматривается как глобальный лингвистический и культурный феномен с акцентом на функции, выполняемые в медиатексте. Следовательно, классификация интертекстуальности должна учитывать её динамичный и когнитивный характер. При анализе интертекстуальных практик в русских и китайских медиатекстах наиболее подходящей является классификация, ориентированная на облигаторную и алеаторную интертекстуальность.

2. Интертекстуальность и прецедентность, являясь базовыми когнитивными категориями медиадискурса, не тождественны – прецедентный феномен может рассматриваться как частное проявление интертекстуальности. Интертекстуальность выступает в роли гиперонима, охватывающего широкий спектр экстенсиональных компонентов.

3. Медиатекст сочетает свойства традиционного текста и мейдийные характеристики. Интертекстуальность как одна из обязательных категорий медиатекста является его системообразующим свойством, реализующимся через включение культурно значимых элементов, отражающих коллективную память и подчинённых прагматической цели коммуникации.

4. Интертекстуальность представляет собой универсальную и многофункциональную стратегию, широко реализуемую в русских и китайских медиатекстах, и служит инструментом конструирования смысла, укрепления культурной идентичности и усиления риторического воздействия. В медиатекстах двух культур интертекстуальность проявляется преимущественно через четыре фигуры – цитирование, аллюзию, аппликацию и парофраз.

5. Интертекстуальность в медиатексте тесно связана с языковой и культурной спецификой, а реализация интертекстуальности и выбора исходного текста отражают национальную идентичность, систему ценностей и коллективную память общества. Анализ выбора и использования исходных текстов интертекстуальности позволяет в определённой степени выявить ядро национальной культуры.

6. Перевод интертекстуальных элементов требует не только лингвистической эквивалентности, но и учёта социокультурных значений, встроенных в медиатекст. Переводческие стратегии с китайского на русский язык в отношении китайской поэзии, четырёхиероглифных идиом, пословиц и поговорок особенно затруднительны – переводчик сталкивается с задачей выбора между адаптацией и сохранением оригинального культурного кода.

Степень достоверности исследования обеспечена обращением к обширной методологической базе, репрезентативным практическим материалом и

применением актуальных общенаучных и частных лингвистических методов.

Личный вклад автора является определяющим и заключается в непосредственном участии во всех стадиях исследования от постановки и решения задач и достижения цели до отражения результатов исследования; включает всесторонние направления научного анализа, позволяющие получить достоверные выводы об универсальных и специфических характеристиках интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации обсуждались на заседаниях кафедры общего и русского языкоznания филологического факультета Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (2022–2025 гг.) и были представлены на научных мероприятиях разного уровня: международной научно-практической конференции «Чтения имени А.С. Дембовецкого», посвящённой 755-летию г. Могилёва (Белорусско-Российский университет, г. Могилёв, 2022 г.); «Актуальные проблемы русистики: взгляд молодых» (Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, г. Элиста, 2023 г.); научном семинаре «Социокультурная адаптация и межкультурная коммуникация: русский язык в междисциплинарном поле научных исследований». Тема заседания: «Лингвокультурологические особенности современных текстов различной направленности» (Российский университет дружбы народов имени Патрика Лумумбы, Москва, 2025 г.).

По теме диссертационного исследования автором опубликовано 5 научных работ, в том числе 3 опубликованы в научных журналах, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации, общим объемом 2,38 п.л.

Структура работы: диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка литературы и двух приложений. Общий объём исследования 218 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы, сформулированы гипотеза, цель и задачи исследования, определены объект и предмет, охарактеризованы материал, методы и теоретическая база. Кроме того, представлены научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, положения, выносимые на защиту, степень достоверности, апробация результатов, а также структура диссертации.

Первая глава «Теоретические основы исследования интертекстуальности» включает пять параграфов. В первой главе последовательно рассматриваются основные направления изучения интертекстуальности в современной лингвистике. Анализируются существующие подходы к типологии интертекстуальности, обсуждается соотношение интертекстуальности и прецедентных феноменов, а также особенности медиатекста, позволяющие рассматривать интертекстуальные связи в междисциплинарной перспективе. Данная глава задаёт общую теоретическую рамку исследования и служит основой для последующего анализа реализации

интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах.

В параграфе **1.1 «Теоретические предпосылки изучения интертекстуальности»** рассматриваются происхождение и раннее развитие понятия интертекстуальности в западной гуманитарной традиции.

Интертекстуальность как понятие берёт начало в концепции диалога М.М. Бахтина. В книге «Проблемы поэтики Достоевского» М.М. Бахтин предложил теорию диалога, теорию карнавала и теорию полифонии, оказавшие непосредственное влияние на формирование теории интертекстуальности. В 1967 году Ю. Кристева опубликовала во Франции статью «Бахтин: слово, диалог и роман», где впервые ввела понятие «интертекстуальности» при изложении идей М.М. Бахтина. В целом интертекстуальность представляет собой отношения взаимной отсылки, возникающие между двумя или более текстами.

Исследование обобщает эволюцию теории интертекстуальности – от теории диалогичности М.М. Бахтина до постструктуралистской концепции текста. Анализ подходов Ю. Кристевой, концепта «смерти автора» Р. Барта и модели гипертекстуальности Ж. Женетта показывает, что в переходе от структурализма к постструктурализму интертекстуальность постепенно выходит за рамки литературоведческого термина и получает более широкое толкование. Такое переосмысление текста делает возможным междисциплинарное исследование интертекстуальности.

В параграфе **1.2 «Основные подходы к изучению интертекстуальности»** рассматриваются основные подходы к исследованию интертекстуальности в российских научных школах и в контексте китайской культуры в сравнительном аспекте.

Сопоставление интерпретаций концептуального ядра интертекстуальности в западной, российской и китайской академических традициях подчёркивает её культурную обусловленность. Западные исследователи преимущественно сосредоточены на теоретическом осмыслинении самой категории, российская школа – на анализе диалога культурных кодов, тогда как китайские учёные – на прагматической интерпретации интертекстуальности в национальном контексте. Различие в дефинициях отражает расхождение исследовательских парадигм и одновременно показывает, как в каждой традиции складывается собственная линия развития понятия, что создаёт основу для междисциплинарного сравнения и последующего анализа интертекстуальности в медиатекстах.

На основе обобщения исследовательских позиций предлагается следующая трактовка интертекстуальности: интертекстуальность в медийном языке определяется как процесс формирования многоуровневых смыслов через динамические связи медиатекстов с другими текстами или знаковыми системами. Указанные связи реализуются посредством цитирования, аллюзии, аппликации, парафраза и других методов. С одной стороны, такие механизмы проявляются в заимствовании и переосмыслинении существующих культурных символов, с другой – зависят от дифференцированной интерпретации аудитории в конкретном социальном контексте.

В параграфе **1.3 «Классификация видов интертекстуальности»**

анализируются основные разновидности интертекстуальности. Теоретическое конструирование классификаций интертекстуальности балансирует между динамической адаптацией и контекстуальной реконструкцией. Макро- и микроинтертекстуальность, широкая и узкая интертекстуальность, конкретная и жанровая, позитивная и негативная интертекстуальность – эти лингвистические классификации сформированы на разных методологических основаниях. Хотя каждая классификационная модель обладает собственными преимуществами и ограничениями, их общая цель заключается в выделении операциональных аналитических единиц для исследования. На наш взгляд, классификационный подход В.П. Москвина (облигаторная и алеаторная интертекстуальность) демонстрирует наибольшую применимость при анализе интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах.

В параграфе **1.4 «Интертекстуальность и прецедентность»** рассматривается соотношение интертекстуальности и прецедентных явлений.

В соответствии с исследованием интертекстуальности, проведённым в предыдущих разделах, можно сделать следующий вывод. Интертекстуальность и прецедентный феномен обладают некоторыми общими чертами. Во-первых, интертекстуальность и прецедентный феномен представляют собой воплощение предшествующей идеи, выступая связующим звеном между старым и новым знанием. Во-вторых, для реализации обоих феноменов необходим носитель языка, обладающий определённой культурно-языковой компетенцией. В-третьих, каждое из этих двух явлений имеет определённую форму выражения, которая может быть как эксплицитной, так и имплицитной.

Интертекстуальность отличается от прецедентного феномена следующими особенностями: 1) интертекстуальность означает взаимосвязь текстов, взаимопревращение символов, берёт своё начало в постструктурализме и деконструктивизме и подчёркивает динамическую сеть взаимоотношений между текстами, а прецедентный феномен относится к языковым единицам, которые встречаются в тексте и известны национально-культурному сообществу, основывается на когнитивной лингвистике и теории культурной памяти. В концептуальном плане оба данных понятия различаются; 2) различие наблюдается и на когнитивном уровне: интертекстуальность основана на активном построении текстовых сетей читателями, тогда как прецедентный феномен опирается на общую базу культурной памяти группы; 3) различается и порог узнаваемости между интертекстуальностью и прецедентным феноменом, поскольку интертекстуальные тексты допускают неявные отсылки к текстам, в то время как прецедентные тексты должны быть хорошо узнаваемы; 4) что касается проявления диахронии, то интертекстуальные цепочки могут разрываться и реконфигурироваться (например, подрыв классических текстов с помощью интернет-мемов), в то время как прецедентные феномены имеют тенденцию к устойчивой передаче (например, устойчивое влияние библейского замысла в западной литературе).

В параграфе **1.5 «Медиатекст как междисциплинарная сфера исследования интертекстуальности»** рассматривается необходимость изучения интертекстуальности в медиатексте. Медиатекст, являясь органичным синтезом

традиционного дискурса и медиасреды, обладает не только свойствами классического текста, такими, как целостность и связность, но и специфическими характеристиками медийной коммуникации – массовостью и открытостью. К базовым функциям медиатекста относятся коммуникативная функция, функция сообщения и влияния, функция контроля, образовательная и развлекательная функции. Применение интертекстуальности позволяет медиа усиливать коммуникативный эффект, отражая и одновременно формируя социальные смыслы и модели взаимодействия. В результате возникает открытая сеть смыслов, границы которой определяются интенциями создателей, особенностями медиаформатов и уровнем культурной компетенции аудитории.

В рамках данного исследования интертекстуальность медиатекста проявляется в двух ключевых формах реализации: 1. прямом воспроизведении высказываний – цитировании мнений политиков, экспертов или публичных фигур; 2. использовании интертекстуальных маркеров с культурно-языковой спецификой – символов, аллюзий или реминисценций, функционирующих как культурные коды. Вопросы реализации интертекстуальности в медийном языке, включая её ключевые формы (цитирование, аллюзия, аппликация, парофраз), будут детально проанализированы во второй главе настоящего исследования.

Во второй главе «**Реализация интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах**» рассматриваются особенности реализации интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах на основе конкретных примеров. Основное внимание уделяется четырём основным формам интертекстуальных включений – цитированию, аллюзии, аппликации и парофразу. Анализ строится на сопоставлении языковых и культурных особенностей, что позволяет выявить как общие черты, так и различия в функционировании интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах. Предложенный в данной главе аналитический подход способствует более точному наблюдению за применением интертекстуальности в медиатексте и более глубокому пониманию её роли в формировании медиаречи.

В параграфе 2.1 «**Схема анализа реализации интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах**» ставится задача разработать методическую схему анализа проявления интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах. Исследование сочетает текстовый анализ с изучением социального контекста, что позволяет определить роль интертекстуальности в структуре и функционировании медиатекста. Подход направлен не только на описание характеристик интертекста внутри текста-реципиента, но и на учёт социально-исторических и культурных параметров, сочетая синхронный и диахронный аспекты анализа. Это даёт возможность проследить трансформацию интертекста при переходе из исходного контекста в актуальный и проанализировать взаимосвязь интертекстуальности с национальной языковой картиной мира. Исходя из особенностей интертекстуальности в медиатекстах и в сочетании с анализом прецедентных феноменов, в данном исследовании определены соответствующие аналитические шаги: 1. выявление интертекстуальных вкраплений в текст-реципиенте, определение источника и типа текста-источника; 2. определение

языковых трансформаций, происходящих в текущем контексте интертекста, анализ авторских намерений, и выявление поверхностных и глубинных смыслов интертекста; 3. определение функции интертекста. С помощью описанных выше шагов выясняются характеристики интертекстуальности в медиатекстах и устанавливается её связь с социальным контекстом.

В параграфе **2.2 «Фигуры интертекста в русских и китайских медиатекстах: цитирование»** рассматриваются формы проявления и характерные особенности цитирования в русских и китайских медиатекстах. Согласно определению В.П. Москвина, цитирование представляет собой «дословное воспроизведение фрагмента какого-либо текста, сопровождаемое ссылкой на источник» [Москвин, 2002]. От других фигур интертекста – аппликации, парофраза и аллюзии – цитирование отличается рядом признаков: точностью воспроизведения исходного фрагмента, максимальной степенью дословности и обязательной атрибуцией источника.

В подразделе **2.2.1 «Характерные черты цитирования в русском медиатексте»** рассматриваются особенности функционирования цитирования как интертекстуальной фигуры. В современном русском медиатексте цитирование используется для подтверждения достоверности информации и придания тексту аргументативной силы. Прямая речь оформляется преимущественно с помощью тире и кавычек (–, «...»), что визуально отделяет цитируемый фрагмент от авторского высказывания. В качестве вводных элементов чаще всего употребляются глаголы речевой деятельности – сообщить, объяснить, отметить, рассказать, признаться, заявить и др. Важно, что при цитировании обычно сохраняются временные и модальные характеристики исходного высказывания, что обеспечивает точность передачи смысла и позиции цитируемого лица. Косвенная речь характеризуется пересказом содержания без использования кавычек, при котором исходное высказывание претерпевает грамматические изменения, прежде всего во временных формах глаголов.

Пр. 1: Появление вертолётов – охотников за беспилотниками – это ожидаемая вещь, – сказал «Известиям» заслуженный лётчик-испытатель Герой России Игорь Маликов. (Известия, 7 сентября 2023 г.)

Пр. 2: По его словам, в этом году планируется увеличить ввод жилья и дорог – построить более 31 тыс. км и отремонтировать ещё 180 млн кв. м дорожного полотна. (Известия, 13 сентября 2023 г.)

В подразделе **2.2.2 «Характерные черты цитирования в китайском медиатексте»** анализируются особенности цитирования в китайском медиатексте. Цитирование относится к категории облигаторной интертекстуальности и чаще всего используется для выражения официальной позиции и подтверждения достоверности информации. Оно идентифицируется по пунктуационным признакам, таким как двоеточие и кавычки (:, “...”), а также по типичным вводным глаголам, например 说 (говорить), 指出, 强调 (подчеркнуть), 声明 (заявить). Косвенные цитаты, как правило, оформляются без кавычек и представляют собой краткое изложение содержания источника с использованием глаголов речевой деятельности, например 表示 (выражать), 提出 (предлагать, отмечать) и другие.

Пр. 3: *习近平总书记指出, “能源低碳发展关乎人类未来” “要把促进新能源和清洁能源发展放在更加突出的位置”。* (人民日报, 2023年8月17日) Генеральный секретарь Си Цзиньпин *подчеркнул, что низкоуглеродное развитие энергетики имеет решающее значение для будущего человечества*, «*продвижение новых и чистых источников энергии должно занимать приоритетное место*». (People's Daily, 17 августа 2023 г.)

Пр. 4: *李强强调, 中国与东盟是拆不散、离不开的好邻居、好兄弟、好伙伴。* (新华每日电讯, 2023年9月7日) Ли Цян *подчеркнул, что Китай и АСЕАН – хорошие соседи, хорошие братья и хорошие партнёры, которых нельзя разорвать или разделить.* (Xinhua Daily, 7 сентября 2023 г.)

В данном разделе была сформирована тематическая выборка медиатекстов из трёх функциональных сфер: политической, экономической и общественной. Методом случайной выборки из каждой категории было отобрано по 30 текстов на русском и китайском языках, что в сумме составило 180 материалов (по 90 на каждом языке). Статистический анализ частотности цитирования показал следующее: в русскоязычных текстах зафиксировано 348 случаев цитирования (политика – 41,4%, экономика – 35,3%, общество – 23,3%), тогда как в китайскоязычных текстах обнаружено 335 примеров (политика – 44,1%, экономика – 30,5%, общество – 25,4%). Проведённый анализ медиатекстов демонстрирует сопоставимую частоту цитирования в русских и китайских медиатекстах – в среднем 4 случая цитирования на одну статью.

Формирование медийного языка не может быть объяснено единым фактором, однако среди всех элементов именно источники информации играют ключевую роль. Первым шагом в создании медиатекста является взаимодействие отправителя информации с источником: цитирование чужих высказываний позволяет описать события, недоступные для непосредственного восприятия аудиторией. Источники могут быть представлены как физическими лицами, так и институциями, публикациями или государственными документами. На основе анализа материалов русских и китайских медиатекстов выделены следующие категории источников: государственные органы и их представители (официальные заявления, нормативные акты, выступления чиновников), журналисты и медиаорганизации (ссылки на материалы других СМИ), эксперты и учёные, коммерческие и общественные организации, граждане. Результаты анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результат источников цитирования в русских и китайских медиатекстах

	Примеры цитирования в русском медиатексте	Примеры цитирования в китайском медиатексте
Государственные органы и их представители	43,1%	43,9%
Журналисты и медиаорганизации	9,5%	5,1%
Эксперты и учёные	21,5%	20,6%
Коммерческие и общественные организации	12,1%	17%
Граждане	13,8%	13,4%

Сравнительный анализ источников цитирования в русских и китайских медиатекстах выявил как общие тенденции, так и значимые различия, обусловленные культурными и институциональными особенностями. в русских и китайских медиатекстах основную долю составляют ссылки на государственные органы и их представителей, что подчёркивает ведущую роль официальных источников в формировании информационной повестки. Стабильно высокой остаётся частота обращений к экспертам и учёным, отражающая универсальную потребность медиа в авторитетных комментариях. Цитирование граждан демонстрирует схожие показатели, подтверждая важность «народного голоса» в освещении социальных тем. Отличия проявляются в использовании других типов источников: российские медиа активнее цитируют журналистов и медиаорганизации, тогда как китайские тексты чаще обращаются к коммерческим и общественным организациям.

В параграфе 2.3 «Фигуры интертекста в русских и китайских медиатекстах: аппликация» рассматриваются формы проявления и характерные черты аппликации в русских и китайских медиатекстах. По мнению В.П. Москвина, аппликация «представляет собой прием, состоящий в использовании в качестве строительных блоков для текста: устойчивых выражений; фрагментов текста без указания на источник» [Москвин, 2011]. Принципиальное отличие аппликации от цитирования заключается в том, что она предполагает включение «чужого слова» в текст без ссылочной части, вследствие чего заимствованный фрагмент воспринимается как часть авторского высказывания. В медиатексте аппликация выполняет функцию смысловой интеграции, способствуя объединению традиционных и новых элементов в рамках единого информационно-коммуникативного пространства.

В подразделе 2.3.1 «Характерные черты аппликации в русском медиатексте» рассматриваются особенности аппликации в русском медиатексте. В современном русском медиатексте аппликация представляет собой приём, основанный на полном или фрагментарном включении устойчивых выражений из Библии, пословиц, литературных произведений и других источников. Данная фигура выполняет не только стилистическую функцию, придавая тексту выразительность и эмоциональную насыщенность, но и когнитивную, облегчая

восприятие информации за счёт актуализации прецедентных культурных кодов. Аппликация не сводится к механическому цитированию: при её использовании исходные тексты подвергаются смысловой переработке, в результате которой культурно маркованные элементы адаптируются к новому дискурсивному контексту при сохранении ассоциативных связей с источником-прецедентом.

Пр. 5: Считаю, что не надо специально искать символизма и усложнять этот вопрос. Вполне можно совместить участие в голосовании со следованием церковному календарю. Ведь в Евангелии нам заповедано отдавать «кесарево кесарю, а Божие Богу», – сказал Легойда. (12 марта 2024 г., РИА Новости)

Пр. 6: «На мой взгляд, очередная слабая игра «Спартака». Вратарь «Динамо» помог команде. Но в целом играли красно-белые «кто в лес, кто по дрова». По-прежнему они не показывают хорошей игры. (Football.ru, 7 апреля 2024 г.)

В подразделе **2.3.2 «Характерные черты аппликации в китайском медиатексте»** рассматриваются особенности аппликации в китайском медиадискурсе. В китайском медиатексте интертекстуальность выходит за рамки простого цитирования и обретает новые измерения через текстуальную аппликацию. Данный приём превращает новостной текст в гибридное пространство культурной памяти. Аппликация выступает не просто как стилистический приём, а как способ смыслопорождения, при котором наложение текстов активирует диалог между эпохами, идеологиями и культурными традициями. В китайских СМИ аппликация часто реализуется через использование пословиц, строк из классической поэзии, крылатых выражений и популярных кинематографических цитат.

*Пр. 7: 天上不会掉馅饼, 努力奋斗才能梦想成真。 (人民网, 2023年1月1日)
Пироги с неба не падают – лишь упорный труд претворяет мечты в реальность (People's Daily Online, 1 января 2023 г.)*

*Пр. 8: 水稻博物馆里感受“粒粒皆辛苦” (新华网, 2023年08月27日)
Почувствовать «каждое зёрнышко требует тяжкого труда» в Музее риса (Xinhua net, 27 августа 2023 г.)*

В параграфе **2.4 «Фигуры интертекста в русских и китайских медиатекстах: аллюзия»** рассматриваются формы проявления и характерные черты аллюзии в русских и китайских медиатекстах. В современной лингвистике аллюзия рассматривается как одна из центральных фигур интертекстуальности, позволяющая автору имплицитно включать в текст элементы культурного и исторического опыта. Использование аллюзии придаёт медиатексту многослойность и усиливает взаимодействие с фоновыми знаниями аудитории.

В подразделе **2.4.1 «Характерные черты аллюзии в русском медиатексте»** анализируются функции и способы реализации аллюзии в русском медиадискурсе. Аллюзия выступает выразительным средством, расширяющим смысловое пространство медиатекста и повышающим его коммуникативную эффективность. Обращаясь к историческим событиям, культурным и литературным образам, СМИ создают тексты с большей интерпретативной глубиной. На этом основании в русском медиапространстве можно выделить несколько ключевых типов аллюзий:

1. аллюзия, связанная с греческой мифологией и Библией;

Пр. 9: Временами приток оказывается существенно ниже оттока, и работа HR-специалиста становится похожа на сизифов труд или попытку наполнить дырявое ведро, из которого всё время вытекает вода. (РБК, 3 июля 2024 г.)

2. аллюзия, связанная с русской классической литературой;

Пр. 10: Отнюдь не милосердным толстовством, но мрачной достоевщиной пропитаны многие страницы «Чисто российского преступления». (Известия, 30 июня 2024 г.)

3. аллюзия, связанная с историческими событиями.

Пр. 11: Во время переговоров по восстановлению экономики блока после пандемии Рютте получил прозвище Мистер Нет у южных и восточных европейцев. (РБК, 1 октября 2024 г.)

В подразделе **2.4.2 «Характерные черты аллюзии в китайском медиатексте»** рассматриваются характеристики аллюзии в китайском медиатексте. Аллюзия является одной из важнейших форм проявления интертекстуальности и широко распространена в китайском медиатексте. В китайском медиапространстве можно выделить несколько типичных способов реализации:

1. Одной из наиболее распространённых является эксплуатация прецедентных имён.

Пр. 12: 长沙东塘街道政院社区：“诸葛亮”会议集众智 基层治理聚合力 (人民网, 2024年08月15日) Сообщество Чжэнъюань района Дунтан (г. Чанша): Совещание «Чжугэ Лян» как механизм коллективного интеллекта для консолидации ресурсов низового управления (People's Daily Online, 15 августа 2024 г.)

2. Значительное место занимает использование четырёхиероглифных идиом (чэньюй / 成语), способных в сжатой форме передавать классические сюжеты и морально-философские смыслы.

Пр. 13: 崔天凯称, 如果对中国毫无了解, 仅是凭想象甚至怀疑来定位中国, 那就是“杯弓蛇影”, 害了自己。 (人民网, 2023年10月29日) Цуй Тянькай заявил, что если определять позицию Китая, не имея о нём никаких знаний, а лишь полагаясь на домыслы и подозрения, то это подобно «змея в кубке, отражённая луком» – такой подход лишь вредит самому себе. (People's Daily Online, 29 октября 2023 г.)

3. Ещё одной разновидностью аллюзии выступает отсылка к историческим событиям или символическим объектам.

Пр. 14: 全球市场短期会否再遇“黑色星期一” (新华网, 2024年08月07日) Будет ли мировой рынок снова сталкиваться с «чёрным понедельником» в краткосрочной перспективе? (Xinhua net, 7 августа 2024 г.)

В параграфе **2.5 «Фигуры интертекста в русских и китайских медиатекстах: парафраз»** рассматриваются формы проявления и характерные черты парафраза в русских и китайских медиатекстах. Парафраз понимается как разновидность интертекстуальной трансформации, основанная на переосмыслении прецедентных единиц. Данная фигура характеризуется высокой степенью

узнаваемости и опирается на креативное использование языковых средств. Основной формой реализации парофраза выступает языковая игра, которая обеспечивает обновление привычных выражений и смыслов. Таким образом, парофраз можно рассматривать как динамический процесс, соединяющий системные закономерности языка с творческим потенциалом речевой деятельности.

В подразделе **2.5.1 «Характерные черты парофраза в русском медиатексте»** рассматриваются особенности функционирования парофраза в русском медиатексте. Парофраз занимает заметное место, особенно в новостных заголовках, где выполняет функцию смыслового обновления и привлечения внимания аудитории. Парофраз строится на переработке знакомых культурных выражений и их обновлении в современных условиях. Использование парофраза на базе узнаваемых культурных кодов обеспечивает мгновенное установление эмоционального контакта с читателем. Замена ключевых компонентов устойчивых выражений нарушает привычное восприятие, активизирует прямое значение слов и усиливает интерес аудитории.

Наиболее распространённой формой реализации парофраза является лексическая замена. Данный приём основан на подстановке нового слова в состав устойчивого выражения, что создаёт двойной эффект: разрушает привычный смысл исходной конструкции и одновременно актуализирует прямое значение слова.

Пр. 15: «Мать Армения» зовёт. Армянская оппозиция требует отставки Никола Пашиняна (РБК, 21 сентября 2023 г.)

Есть несколько интересных примеров, когда изменение отдельных букв в слове создаёт языковую игру. Также встречаются случаи, когда слова имеют одинаковое произношение, но совершенно разные значения.

Пр. 16: Не хочется, а НАТО. Йенса Столтенберга не отпускают с поста генсека альянса (Коммерсантъ, 4 июля 2023 г.)

Пр. 17: Старики и горе: почему частные дома престарелых остаются вне контроля. (Известия, 19 декабря 2023 г.)

Отдельный тип парофраза формируется за счёт включения антонимического компонента, который преобразует исходное значение выражения.

Пр. 18: Зоны без ответственности: какие военные базы Финляндия передает США. (Известия, 19 декабря 2023 г.)

В подразделе **2.5.2 «Характерные черты парофраза в китайском медиатексте»** рассматривается характеристики парофраза в китайском медиатексте. В отличие от русской традиции, формы его реализации в китайском медиапространстве менее разнообразны. Анализ собранного материала показывает, что частота использования парофраза как средства выражения интертекстуальности в китайских СМИ значительно ниже.

Наиболее распространённой формой парофраза является замена образов при сохранении исходной структуры высказывания.

*Пр. 19: 渝北: 满园春色关不住 万亩梨花俏枝头 (人民网, 2022年3月17日)
Юйбэй (Чунцин): Весенние краски переполняют сады – сдержать невозможно, на ветвях мириады груши белоснежным цветеньем горделиво кичатся. (People's*

Daily Online, 17 марта 2022 г.)

Китайские иероглифы обладают уникальной особенностью: один и тот же звук может соответствовать множеству разных иероглифов, каждый из которых имеет собственное значение. В китайском медийном языке парафраза иногда использует данную особенность для языковой игры: замена иероглифов с одинаковым звучанием позволяет полностью изменить смысл выражения.

Пр. 20: 中国“飞鱼”勇“潘”高峰 (新华网, 2024年08月02日) Китайская «плывущая рыба» (Пань Чжанле) решительно преодолевает вершины. (Xinhua Net, 2 августа 2024 г.)

Другим приёмом адаптации является добавление слов с отрицательной семантикой, что позволяет сохранить часть исходного образа и одновременно расширить его значение. Рассмотрим их при комментировании следующих примеров:

Пр. 21: 这些年, 我们努力完善交通基础设施, 蜀道不再难于上青天。 (人民网, 2024年12月20日) За эти годы нам удалось существенно улучшить транспортную инфраструктуру – теперь «дорога в Сычуань» больше не «труднее, чем подняться на небо». (People's Daily Online, 20 декабря 2024 г.)

Как в русских, так и в китайских медиатекстах интертекстуальность используется широко и выполняет важные функции в построении медиадискурса. Интертекстуальность как ключевая стратегия медийного языка формирует многофункциональную сеть посредством цитирования, аппликации, аллюзии и парафраза. Хотя реализация интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах проявляется по-разному, функциональные характеристики практически сходны.

Во-первых, интертекстуальность функционирует как инструмент культурного кода, основанный на коллективной памяти аудитории: узнаваемые образы помогают преобразовать сложные реалии в универсальные символы и снижают когнитивную нагрузку при восприятии информации. Во-вторых, использование интертекстуальности обеспечивает конденсацию содержания и повышает информационную плотность текста. Ориентируясь на культурный опыт реципиентов, данный механизм усиливает эффективность коммуникации и способствует поддержанию читательского интереса. В-третьих, с риторической точки зрения интертекстуальность, опираясь на классические интертексты, придаёт сообщению авторитетность и эмоциональную выразительность. В-четвёртых, интертекстуальность формирует пространственно-временное диалоговое поле, выступая связующим звеном между древними текстами и современными нарративами. Предоставляя традиционным образам новые значения в актуальном контексте, интертекстуальность сохраняет культурную преемственность и одновременно трансформирует её, создавая динамичный механизм воспроизведения смыслов. В заключение интертекстуальность выступает инструментом конструирования идентичности. Посредством повторяющейся активации специфических культурных символов данный механизм укрепляет национальную идентичность и одновременно отражает основные установки государственной идеологии.

Третья глава «Сопоставительный анализ интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах в лингвокультурном аспекте» направлена на сравнительное рассмотрение интертекстуальности с учётом культурной специфики и языковых особенностей двух традиций. Такое сопоставление позволяет глубже понять, как национальная языковая картина мира влияет на выбор и реализацию интертекстуальных элементов, а также какие компоненты культурного кода рассматриваются как ключевые и формируют смысловое ядро национальной ментальности в русской и китайской медиапрактике.

В параграфе 3.1 «Особенности исходных текстов интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах» представлен сопоставительный анализ интертекстуальных источников, используемых в русских и китайских медиатекстах. Целью анализа стало выявление языковых и культурных различий в подходах к реализации интертекстуальности. В исследовании были рассмотрены три взаимосвязанных аспекта: 1. типология исходных текстов; 2. распределение исходных текстов по времени; 3. собственные и заимствованные исходные тексты.

Для сопоставительного анализа были отобраны 576 фрагментов из русского медиатекста и 612 фрагментов из китайского, каждый из которых содержит интертекстуальные элементы.

1. Типология исходных текстов в русских и китайских медиатекстах

На основе анализа интертекстуальных фрагментов, отобранных из русских и китайских медиатекстов, была сформирована рабочая классификация исходных текстов, используемая в данном исследовании. Предложенная типология отражает основные направления функционирования интертекстуальности в медиатексте и включает две группы источников:

1) Художественная сфера: литература, кино, телесериалы, музыка, религиозные тексты (Библия), мифология и др.

2) Социальная сфера: политика, экономика, социокультурный контекст, право, история и др.

Типы исходных текстов интертекстуальности, представленные в русском и китайском медиатекстах, сведены соответственно в таблицы 2 и 3.

Таблица 2 – Разные типы исходных текстов интертекстуальности в русском медиатексте

Область исходного текста	Типы исходных текстов	Процентное соотношение
Художественная сфера (61,8%)	Литература (произведения, писатели и др.)	28,9%
	Кино и телевидение	12,5%
	Музыка (названия песен, тексты песен, композиторы и др.)	4,7%
	Религия (Библия)	7,9%
	Греческая мифология	7,8%
Социальная сфера	Политика (государственная политика, политические тексты и др.)	3,1%
	Экономика (экономическая терминология и др.)	2,4%

(38,2%)	Социокультурный контекст (поговорка, пословица и др.)	21,8%
	История (события, историки и др.)	8,6%
	Наука (физики, биологи и др.)	2,3%

Таблица 3 – Разные типы исходных текстов интертекстуальности в китайском медиатексте

Область исходного текста	Типы исходных текстов	Процентное соотношение
Художественная сфера (65,9%)	Литература (произведения, писатели и др.)	56,4%
	Кино и телевидение	6,6%
	Музыка (названия песен, тексты песен, композиторы и др.)	2,2%
	Религия (Библия)	0,0%
	Греческая мифология	0,7%
Социальная сфера (34,1%)	Политика (государственная политика, политические тексты и др.)	2,5%
	Экономика (экономическая терминология и др.)	5,9%
	Социокультурный контекст (поговорка, пословица и др.)	16,1%
	История (события, историки и др.)	7,4%
	Наука (физики, биологи и др.)	2,2%

Художественная сфера играет ключевую роль как в русских, так и в китайских медиатекстах, но с различными акцентами. В русском медиатексте литература занимает 28,9%, что свидетельствует о глубокой связи с классической и современной русской литературой. Значимыми источниками являются также греческая мифология (7,8%) и религия (7,9%), подчёркивая сильное влияние европейской культурной традиции и христианства на российскую национальную языковую картину мира. Примечательно, что в китайском медиатексте источники, связанные с религией и греческой мифологией, используются крайне редко. В китайском медиатексте литература занимает значительно большую долю (56,4%), что указывает на преобладание классической китайской литературы как основного источника интертекстуальных элементов. Это обусловлено активным использованием в медиатексте таких традиционных форм, как четырёхиероглифные идиомы, классическая китайская поэзия и цитаты из древних текстов. Данные элементы не только выполняют риторическую функцию, но и являются важной частью когнитивного ядра китайской культуры, отражая устойчивые национальные модели мышления, историческую память и культурную идентичность.

Сравнительный анализ интертекстуальных элементов в социальной сфере в русских и китайских медиатекстах выявил близкие количественные показатели: 38,2% в русском медиатексте и 34,1% в китайском медиатексте. Однако структурное

распределение категорий демонстрирует культурно обусловленные различия. В русском медиатексте важную роль играют источники категории социокультурный контекст (21,8%), что указывает на значительное влияние народной мудрости в русском медиатексте. Одна из причин высокой доли таких элементов в русскоязычных текстах заключается в том, что в русском языке существует большое количество крылатых выражений, которые активно используются в повседневной и публичной речи. В китайском медиатексте также используются источники данной категории (16,1%), что свидетельствует о схожести культурных практик в русских и китайских медиатекстах, направленных на использование традиционных языковых форм для создания социальных и культурных отсылок. Использование исторических элементов в русских (8,6%) и китайских (7,4%) медиатекстах помогает укрепить культурную идентичность. Ссылаясь на исторические события, великую историю или национальные герои, медиа укрепляют чувство принадлежности к национальной культуре и подчёркивают важность сохранения традиций и ценностей.

2. Распределение исходных текстов по времени в русских и китайских медиатекстах

Исследование временного распределения интертекстуальных элементов в русских и китайских медиатекстах выявило структурные различия, обусловленные историко-культурными контекстами. В анализе распределения временных исходных текстов в русском медиатексте мы делим их на три периода: до XIX века, XIX–XX века и после XX века. Данная временная граница соответствует ключевым историческим этапам для русской и китайской культуры. Сопоставление временного распределения исходных текстов представлено в таблице 4.

Таблица 4 – Распределение исходных текстов по времени в русских и китайских медиатекстах

Период времени	В русском медиатексте	В китайский медиатексте
До XIX века	27,3%	58,1%
XIX–XX века	50,8%	15,4%
После XX века	21,9%	26,5%

В русском медиатексте исходные тексты, созданные до XIX века, такие как Библия и мифология, преобладают в классических источниках. Библия и греческая мифология продолжают использоваться в русских медиатекстах как культурные отсылки и источники нравственных смыслов. Эти традиционные образы помогают сохранять связь с прошлым и передавать ценности, важные для современной российской культуры. Наибольшую долю составляют исходные тексты XIX–XX веков (50,8%), в которых преобладают литература и социокультурные элементы, связанные с литературным «золотым веком» России. После XX века увеличивается количество исходных текстов из кино и телевидения, что связано с развитием новых массмейдийных форматов.

В китайском медиатексте интертекстуальные источники, восходящие к произведениям, созданным до XIX века, составляют 58,1%. Этот показатель отражает устойчивое влияние классической китайской литературы и философии, в

первую очередь конфуцианской, даосской и буддийской традиций. XIX–XX века в Китае были временем политических и социальных изменений, что объясняет меньшую долю исходных текстов данного периода.

3. Собственные и заимствованные исходные тексты

В исследовании проведён анализ страны происхождения исходных текстов, которые были классифицированы на два типа: тексты национального происхождения и заимствованные источники. Результаты анализа представлены в таблице 5.

Таблица 5 – Соотношение собственных и заимствованных исходных текстов в русских и китайских медиатекстах

	В русском медиатексте	В китайском медиатексте
Собственные исходные тексты	57,1%	83,8%
Заимствованные исходные тексты	42,9%	16,2%

В проведённом анализе источников русских и китайских медиатекстов обнаруживаются существенные различия в соотношении внутренних и внешних источников.

В русском контексте 57,1% исходных текстов имеют национальное происхождение, подтверждая влияние локальной литературы, фольклора и мифологии. При этом 42,9% представляют внешние источники, демонстрируя активное участие России в межкультурном диалоге и восприимчивость к западным культурным моделям. Данный баланс отражает способность российской культуры к интеграции инонациональных идей в свою идентичность. В отличие от русского медиатекста, китайский медиатекст демонстрирует выраженную культурную автономию: 83,8% источников укоренены в национальной традиции благодаря доминированию классической литературы, конфуцианства и даосизма. Лишь 16,2% относятся к внешним заимствованиям, что отражает исторически сложившуюся модель культурной самодостаточности, а также стратегию активного поддержания цивилизационной идентичности в условиях глобализации.

Выявленное разнообразие субъектов и типов исходных текстов отражает инклузивный характер медиатекста. В русском медиатексте находят применение как национальные, так и заимствованные источники, что указывает на сравнительно большую открытость к религиозным, мифологическим и западноевропейским элементам. В китайской медиапрактике, напротив, доминируют отсылки к собственным культурным истокам – преимущественно к классической литературе, созданной на древнекитайском языке. С точки зрения хронологии, в русском медиатексте преобладают отсылки к источникам XIX–XX веков, тогда как в китайском чаще используются тексты, восходящие к древним временам и периоду до XIX века.

В параграфе 3.2 «Интертекстуальность и перевод» внимание сосредоточено на взаимосвязи интертекстуальности и перевода. Исследование начинается с разграничения двух типов перевода – внутриязыкового и

межъязыкового. Данное разграничение позволяет более чётко описать особенности интерпретации интертекстуальных единиц как внутри одного языка, так и при переходе между двумя языковыми системами. Особое внимание уделяется стратегиям перевода с русского на китайский при передаче поэтических строк, четырёхиероглифных идиом, пословиц и поговорок.

Перевод интертекстов осуществляется на двух уровнях – лингвистическом и культурном. Первый уровень отражает прямую и очевидную связь между текстами, тогда как на втором преобладают косвенность и имплицитность. На характер культурного перевода влияют национальные особенности: традиции, литературное наследие, исторический контекст, ценностные ориентиры и культурные представления.

При переводе поэтических строк первым этапом выступает внутриязыковая интерпретация, представляющая собой преобразование древнекитайского текста в современный язык. Такой этап требует точной трактовки и создаёт основу для последующего межъязыкового перевода, при котором основное внимание уделяется идиоматичной передаче смысла на языке перевода.

Перевод китайских идиом относится к культурному уровню. Их скрытый смысл выходит за пределы буквального значения, поэтому дословный перевод не обеспечивает адекватного восприятия. В китайском медиатексте при передаче таких интертекстов используется смысловой метод, позволяющий точно передать информацию. Применение этого подхода вызывает у реципиентов реакцию, близкую к отклику оригинальной аудитории, что способствует достижению функциональной эквивалентности и эффективной передаче смысла.

Процесс перевода пословиц представляет собой поиск эквивалентов между двумя языковыми системами. В русском и китайском языках нередко встречаются пословицы с различными образами, но близкой семантикой. В подобных случаях исходная пословица может быть заменена функционально близкой пословицей целевого языка. В случаях, когда в целевом языке не находится точного соответствия, целесообразно сохранить образную структуру исходного высказывания. Поскольку большинство пословиц основано на общем жизненном опыте человечества, реципиенты, опираясь на контекст, способны самостоятельно вывести скрытый смысл.

В заключении обобщены основные выводы и результаты исследования, представлены перспективы дальнейших исследований по теме.

1. С учётом различных исследовательских подходов и объектов анализа, учёные предлагают разнообразные классификации интертекстуальности. В рамках данного исследования интертекстуальность в русских и китайских медиатекстах разделяется на два типа: облигаторную (цитирование) и алеаторную (аллюзия, аппликация, парафраз).

2. Интертекстуальность и прецедентность соотносятся как общее и частное. Сравнение двух категорий показывает, что их объединяют опора на предшествующее знание, необходимость культурно-языковой компетенции и наличие эксплицитных либо имплицитных форм выражения. При этом интертекстуальность обладает более широким понятийным объёмом и

функциональной гибкостью, поскольку охватывает динамическое взаимодействие между текстами, включая как актуальные отсылки, так и потенциальные смыслы. Прецедентные феномены, в отличие от этого, базируются на устойчивых и закреплённых культурных значениях. В этом смысле прецедентный феномен может быть рассмотрен как частный случай интертекстуальности. В свою очередь интертекстуальность выступает гиперонимом.

3. Медиатекст представляет собой один из наиболее распространённых типов текста в современном обществе, характеризующийся сочетанием текстовой традиции и особенностей массовой коммуникации. Интертекстуальность занимает в медиатексте важное место, функционируя как средство отражения коллективной памяти и культурного опыта. Использование узнаваемых культурных образов делает сообщение более выразительным и облегчает установление контакта с аудиторией. Интертекстуальные элементы используются с учётом целей коммуникации и направлены на усиление воздействия на получателя.

4. Цитирование демонстрирует наибольшую частоту в обоих языковых контекстах, при этом в русском медиатексте преобладает косвенная речь, тогда как в китайском – прямая. В русском медиатексте частотность использования фигур алеаторной интертекстуальности распределяется следующим образом: параллакс > аллюзия > аппликация. В китайском медиатексте наблюдается иное распределение по частотности: аллюзия > параллакс > аппликация. Хотя реализация интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах проявляется по-разному, функциональные характеристики практически сходны. В медиатексте интертекстуальность выполняет комплексную функцию: служит средством культурной презентации и конденсации смысла, усиливает риторическую выразительность и авторитетность сообщения, а также обеспечивает связь между прошлым и настоящим в культурно-коммуникативном пространстве.

5. Специфика использования интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах в определённой степени отражает ядро национального культурного кода. Выбор интертекстов, способы их трансформации и контекстуального внедрения обусловлены устойчивыми представлениями о ценностях, исторической памяти и риторических традициях. Через такие интертекстуальные практики в медиатексте проявляются особенности национального сознания, языкового мышления и ментальных установок.

6. В исследовании рассмотрен перевод интертекстуальных единиц с китайского языка на русский, включая поэтические строки, четырёхиероглифные идиомы, пословицы и поговорки. Эффективная передача интертекста требует не только языковой точности, но и глубокого понимания культурно-исторического фона, а также продуманного выбора между сохранением оригинального культурного кода и его адаптацией к целевой аудитории.

Исследование показало, что интертекстуальность в русских и китайских медиатекстах выполняет не только текстовые и стилистические функции, но и глубинную культурно-семантическую роль. Выбор и интерпретация исходных текстов интертекстуальности тесно связаны с языковой картиной мира, системой ценностей и культурной идентичностью каждой страны. Интертекстуальность в

медиатексте выступает важным инструментом символического выражения идеологий, культурной памяти и национальной самопрезентации в условиях глобальной информационной среды.

Перспективы дальнейшего исследования интертекстуальности в русских и китайских медиатекстах связаны с расширением корпуса анализа и включением новых форм медиакоммуникации – телевизионных и аудиовизуальных, что позволит проследить трансформацию интертекстуальных стратегий в цифровой среде. В дальнейшем возможно применение когнитивно-дискурсивного подхода для более глубокого понимания механизмов порождения и восприятия интертекстуальных связей. Кроме того, перспективным направлением является изучение особенностей перевода интертекстуальных элементов между русским и китайским языками, что позволит выявить закономерности передачи культурно-специфических смыслов и разработать более эффективные стратегии межъязыковой интерпретации медиатекстов.

В приложениях представлена репрезентативная выборка интертекстуальных фрагментов в русских и китайских медиатекстах.

Работы, опубликованные по теме диссертации

Статьи в журналах, включённых в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук:

1. **Хань Хайянь.** Реализация интертекстуальности в медиа-политическом дискурсе (на материале выступлений председателя КНР Си Цзиньпина) / Х. Хань // Современный учёный. – 2024. – № 2. – С. 17–22. (0,81 п.л.). **К2**

2. **Хань Хайянь.** Сравнительное исследование интертекстуальности в русских и китайских новостных заголовках (на материале периодических изданий «Известия» и «Guangming Daily») / Х. Хань // Современное педагогическое образование. – 2024. – № 1. – С. 421–424. (0,63 п.л.). **К3**

3. **Хань Хайянь.** Интертекстуальность в новостных заголовках (на материале китайского периодического издания «Guangming Daily») / Х. Хань // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – 2024. – № 5. – С. 218–220. (0,38 п.л.). **К2**

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

4. **Хань Хайянь.** Исследование интертекстуальности российских и китайских новостных заголовков / Х. Хань // Чтения имени А.С. Дембовецкого. 755-летию Могилёва посвящается: сборник статей I Международной научно-практической конференции. – Могилёв : Белорусско-Российский университет, 2022. – Ч. 2. – С. 183–186. (0,31 п.л.)

5. Китанина Э.А., **Хань Хайянь.** Интертекстуальность в речи министра иностранных дел Китая Цин Гань / Э.А. Китанина, Хань Х. // Актуальные проблемы русистики: взгляд молодых, научно-практ. конф. с междунар. участием, 14 апреля 2023 г. – Элиста : Издательство Калмыкского университета, 2023. – С. 69–72. (0,25п.л. / 0,15 п.л.)

Общий объём публикаций – 2, 38 п.л.